

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-3-49-70

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕОРИЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

В.В. Кочетков, докт. социол. наук, проф. кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Социологи обращаются к исторической социологии, чтобы объяснить те мирополитические реалии, которые остаются скрытыми для других теорий международных отношений. Однако в отечественной научной традиции историки, социологи и международники уделяют ей незаслуженно мало внимания, несмотря на то, что наука о международных отношениях находится на стыке истории и социологии. Настоящая статья призвана в какой-то степени компенсировать недостаток сведений об этом интереснейшем и перспективном подходе к изучению международных отношений. Автор формулирует понятие “исторической социологии” и характеризует три основных направления в ее развитии. Первое направление отдает приоритет в объяснении международных отношений таким факторам, как типы власти и способы производства. Второе направление рассматривает события международной жизни сквозь призму нравственности, культуры, эмоций и других духовных компонентов. Третье направление стремится объединить первые две группы исследовательских подходов в рамках единой объяснительной базы.

Ключевые слова: историческая социология, историческая психология, эмоциология, процессная социология Н. Элиаса, традиционные и современные государства, типы власти и способы производства, мораль и нравственность в мировой политике.

* Кочетков Владимир Викторович, e-mail: vkochetkov58@mail.ru

INTERNATIONAL RELATIONS IN THE INTERPRETATION OF THEORIES OF HISTORICAL SOCIOLOGY

Kochetkov Vladimir V., Doctor of Sociology, Professor of Sociology of International Relations Department, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: vkochetkov58@mail.ru

International affairs specialists turn to historical sociology to explain the world political realities that remain hidden to other theories of international relations. However, in the national scientific tradition, historians, sociologists, and international affairs specialists give it unjustly little attention, despite the fact that the science of international relations is at the intersection of history and sociology. This article intended to compensate to some extent for the lack of information about this most interesting and promising approach to the study of international relations. The author formulates the concept of historical sociology and characterizes three main directions in its development. The first direction gives priority to the explanation of international relations of such factors, as types of power and methods of production. The second direction considers the events of international life through the prism of morality, culture, emotions and other spiritual components. The third direction seeks to unite the first two groups of research approaches within a single explanatory framework.

Key words: *historical sociology, historical psychology, emotionology, process sociology of N. Elias, traditional and modern states, types of power and methods of production, morality and ethics in world politics.*

Историческая социология — направление социологии, изучающее то, как структуры общества развиваются в историческом процессе¹. От других традиций изучения международных отношений историческую социологию отличает фокус внимания на длительных фундаментальных исторических закономерностях. В основе исторической социологии лежит концепция “исторической долговременности” (*la longue durée*²) французского историка Ф. Броделя³. Эта концепция исследует медленно развивающиеся и зачастую едва заметные события, которые иногда игнорируются представителями “канонических парадигм” при анализе важнейших проблем современности. Ф. Бродель писал, что “события — это пыль,

¹ Kelly D. Karl Marx and Historical Sociology // Handbook of Historical Sociology / Ed. by G. Delanty, E. Isin E. L., 2003. P. 11–26.

² Длительная временная протяженность (фр).

³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм (XV–XVIII вв.) Т. 1. М., 2006.

даже великие события”. По его мнению, исторические события не имеют смысла до тех пор, пока не включены в ритмы *conjunctures*⁴ и в тенденции *la longue durée*⁵. С точки зрения исторической социологии, другим теориям международных отношений присущи три основных недостатка: *презентизм, хронофетишизм и темпоцентризм*. *Презентизм* — это сосредоточение исследователя на текущих событиях, изучаемых в краткосрочной перспективе. Событие при этом вырывается из исторического контекста и изучается вне связи с фундаментальными закономерностями⁶. Например, невозможно корректно охарактеризовать современное возвышение Китая вне анализа его прошлого и конфуцианских традиций. *Хронофетишизм* — это убеждение, что порядок международных отношений, который существует в настоящее время, является единственно возможным и неизменным. Например, взаимодействие народов во времена Римской Империи и в Средневековой Европе представители других теорий международных отношений объясняют на основе тех же принципов. *Темпоцентризм* — иллюзия однородности всех систем международных отношений на основании моделей, которые являются преобладающими сегодня⁷. Например, неверно переносить опыт и оценки, полученные на основе анализа Вестфальской системы, на совсем другие эпохи.

Неизменная ориентация исторической социологии на долгосрочные перспективы объясняется тем, что, с ее точки зрения, отличительные и уникальные черты современного мира будут непонятны до тех пор, пока они не будут включены в широкий исторический контекст. Отличительной особенностью исторической социологии является объединение знаний по различным дисциплинам, прежде всего, истории, социологии и науки о международных отношениях. Это необходимо для того, чтобы понять, как человечество прошло путь от племен (небольших изолированных сообществ численностью не более нескольких десятков человек) до сложных форм современной глобальной взаимозависимости всего человечества. Историческая социология изучает также, как отношения между государствами зависят от этого долгосрочного процесса и влияют на него. Представители исторической социологии считают, что на

⁴ Стечение обстоятельств (фр).

⁵ Длительная временная протяженность (фр).

⁶ *Elias N. The retreat of sociologists into the present // The Norbert Elias Reader / Ed. by J. Goudsblom, S. Mennell. Oxford, 1998. P. 11–39.*

⁷ *Hobden S. International relations and historical sociology: breaking down boundaries. L., N.Y., 1998; Hobden S., Hobson J. Historical sociology of international relations. Cambridge, 2001.*

основе понимания долгосрочных процессов могут быть сформулированы закономерности, благодаря которым можно объяснить такие явления, которые для представителей остальных теорий международных отношений оказываются необъяснимыми. Историческая социология обобщает основные трактовки конкретных эпох и событий, с тем чтобы проследить развитие человеческого общества на протяжении столетий или тысячелетий.

Историческая социология берет свое начало в социологии классической. Классическая социология возникла как реакция на коренные социальные изменения европейского общества, которые начались в конце XVIII — начале XIX вв. Главными среди них являются индустриализация, демократизация, урбанизация, бюрократизация и индивидуализация⁸. Первые социологи сосредоточились на переходе от “естественной общины” (*Gemeinschaft*) к “искусственному обществу” (*Gesellschaft*) (Фердинанд Тёнис⁹), от “статуса” к “контракту” (Генри Мейн), от “феодализма” к “капитализму” (Карл Маркс¹⁰), от “механической” к “органической” солидарности (Эмиль Дюркгейм¹¹), и от “традиционных” к “легальным” формам господства (Макс Вебер¹²). Все классические социологи пытались понять, как традиционные социальные связи ослабевали по мере наступления “денежных отношений” между людьми в капиталистическом обществе. Проведенный К. Марксом анализ перехода от феодализма к капитализму показал, как отношения господства и подчинения были заменены договорными отношениями между капиталистом и пролетарием. М. Вебер показал, что в условиях бюрократизации традиционные общественные отношения заменяются на рационально-правовые связи. В то время как К. Маркс считал, что существующие тенденции указывают на торжество социализма, М. Вебер утверждал, что социалистические общества, точно также как и капиталистические, не смогут избежать возрастающей бюрократизации. Выступая против классового подхода К. Маркса, М. Вебер подчеркивал влияние религиозных идей на социальные и политические изменения. Анализ этики кальвинизма привел его к выводу о родстве между протестантским мировоззрением и устоями

⁸ *Nisbet R.* The sociological tradition. N.Y., 1966.

⁹ Теннис Ф. Общность и общество // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 207–229.

¹⁰ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии: В 3-х т. Т. 1. М., 1978. С. 39.

¹¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996. С. 160.

¹² Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4-х т. Т. 1. М., 2018. С. 226.

капитализма. Это позволило открыть уникальные закономерности экономического и политического развития на современном Западе. М. Вебер понимал влияние политики силы и национализма на международные отношения. Классическая социология возникла в период относительной международной стабильности, когда многие ученые считали, что рост промышленности и торговли может привести к вечному миру и глобализации. Например, еще А. Сен-Симон высказывал мнение о том, что история является переходом от племени к государству и дальнейшему объединению всего человечества¹³. Однако позже, в XX в., такие международные потрясения, как I Мировая война, а затем II Мировая война, и последующие за ними холодная война с распадом СССР, поколебали уверенность в мирном будущем международных отношений. Поэтому Т. Адорно позже напишет, подчеркивая возрастающие угрозы международной безопасности, что история — это переход “от рогатки к атомной бомбе”¹⁴.

Исследования в рамках исторической социологии отличаются продолжительностью исследуемого периода. Некоторые представители исторической социологии исследуют развитие современного мира в течение нескольких последних веков¹⁵. В качестве примера можно привести исследования мировой капиталистической системы И. Валлерстайна¹⁶, работы Ч. Тилли об увеличении политической роли современных государств¹⁷, И. Тэшке об особенностях Вестфальской мировой системы¹⁸. Например, И. Валлерстайн заметил, что смена мирового гегемона происходит по результатам тридцатилетних мировых войн. Так, Голландия стала мировым гегемоном в результате войны с Габсбургами с 1618 г. до 1648 г. После наполеоновских войн с 1792 г. до 1815 г. интересы Великобритании восторжествовали над интересами Франции. В результате долгих евроазиатских войн и революций с 1914 г. по 1945 г. интересы США одержали верх над интересами Германии¹⁹. В результате каждой из этих мировых войн

¹³ Сен Симон А. Очерк науки о человеке // Сен Симон А. Избранные сочинения. М.; Л., 1948. С. 146–208.

¹⁴ Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2011.

¹⁵ Eisenstadt S.N. The political systems of empires. L., 1963.

¹⁶ Валлерстайн И. Три случая гегемонии в истории капиталистической макроэкономики // Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 98–102.

¹⁷ Tilly C. Coercion, capital and European States: AD 1990–1992. Oxford, 1992.

¹⁸ Teschke B. Geopolitical relations in the European Middle ages // International Organization. 1998. Spring. Vol. 52. N 2. P. 325–358.

¹⁹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 100–102.

происходила смена международной системы (Вестфальская система, Священный союз европейских государств после Венского конгресса, Ялтинско-Потсдамская система). Все эти системы создавались гегемонами для обеспечения стабильности в собственных интересах. В упадок международные системы приходят также по одному и тому же сценарию. Вначале лидерство гегемона оказывается разрушенным экономически. Прежде всего, падает эффективность промышленного производства, а затем теряют преимущества в конкурентной борьбе и сдают международные позиции торговые и финансовые сферы экономики. В конце концов, это приводит к пересмотру отношений с бывшими союзниками, и с таким терпением и тщательностью созданные гегемоном “под себя” союзы и коалиции распадаются. На смену старой международной системе приходит другая с новым гегемоном во главе, и цикл повторяется. После заката гегемонии, как правило, возникают две державы — кандидаты в новые гегемоны: Англия и Франция после гегемонии Голландии, США и Германия после гегемонии Великобритании, и в настоящее время Китай и Европа после гегемонии США. Окончательный победитель превращает прежнего гегемона в своего “младшего партнера”: Англия — Голландию, США — Великобританию. Вопрос о том, кто превратит США в своего “младшего партнера”, пока остается открытым. По нашему мнению, подобные исследования позволяют исторической социологии на основании выявленных закономерностей прогнозировать будущее международных отношений.

Известные представители исторической социологии Э. Тодд и Р. Арон сравнивают между собой исторические эпохи и политические системы в течении нескольких тысячелетий²⁰. Например, французский социолог Э. Тодд²¹ в книге “После империи” с подзаголовком “*Rex Americana* — начало конца”, вышедшей в издательстве “Международные отношения” в 2004 г., проводит параллели между древнегреческой и древнеримской империями и современными США. По его мнению, из защитника и гаранта стабильности всего мира, какими они были до середины 1970-х гг., США превратились в источник проблем и хаоса. Э. Тодд считает, что к настоящему времени США достигли стадии “хлеба и зрелищ”, а не новой информационной экономики. Рост плутократии и расширение плебса привело к поляризации американского общества по типу Древнего Рима. Огромный внешнеторговый дефицит и все увеличивающийся государственный

²⁰ Eisenstadt S.N. Op. cit.

²¹ Todd Э. После империи. *Rex Americana* — начало конца. М., 2004.

долг свидетельствуют о возрастающей зависимости США от остального мира. В международном разделении труда американцы специализируются не на производстве (в самих США производятся только голливудские фильмы и различного рода услуги), а потреблении — в экономическом плане США превратились в своеобразную “черную дыру”, куда стекаются разнообразные товары (от нефти до продуктов повседневного спроса) со всего мира. Однако ресурсов, необходимых для того, чтобы контролировать остальной мир, у современных США недостаточно и становится все меньше. По мнению Э. Тодда, Америке не хватает “имперских” ресурсов двух видов.

Во-первых, ее возможности военного и экономического принуждения недостаточны, чтобы сохранять нынешний уровень эксплуатации планеты. Войны, которые ведут США, Э. Тодд называет “театральным микромилитаризмом”, поскольку боевой опыт США ограничивается “театральными постановками” с заведомо более слабым противником²². Поэтому они напоминают скорее компьютерные игры, предназначенные для трансляции американскими СМИ внутренней аудитории, а не реальные боевые действия. США проводят в основном воздушные и морские операции, но контролировать остальные страны без действий на суше невозможно.

Во-вторых, не позволяют США поддерживать имперский статус претензии на исключительность. Одной из основ империи является способность относиться на равноправной основе ко всем населяющим ее народам. Это делает возможным постоянное расширение границ путем интеграции завоеванных. Успех Рима и крушение Афин объясняются расширением возможностей получить римское гражданство и сужением — афинского²³. В результате своих рассуждений Э. Тодд приходит к выводу, что к 2050 г. американская империя прекратит свое существование²⁴. Автор данной статьи солидаризируется с этими идеями Э. Тодда и полагает, что подобные прогнозы имеют важное значение для социологии.

Известный французский социолог Р. Арон писал, что международные системы на каждом этапе имеют общее и различное. Сравнивая отношения между греческими полисами, европейскими монархиями XVII в., государствами Европы XIX столетия, взаимодействие современных ему политических систем Востока и Запада, он искал в них повторяемость, которая позволила бы выявить общие закономерности. На основе этих закономерностей Р. Арон делает

²² Тодд Э. Указ. соч. С. 80.

²³ Там же. С. 68.

²⁴ Там же. С. 45.

важные предположения о развитии международных отношений в будущем²⁵.

Наиболее долговременные исследования в рамках исторической социологии изучают весь ход истории человечества. Примерами этого подхода являются исследование развития власти за последние пять с половиной тысячелетий М. Манна²⁶, а также анализ международных отношений между политическими сообществами на протяжении тысячелетий Й. Фергюсона и Р. Мансбаха²⁷, А. Уотсона²⁸. Фундаментальное произведение М. Манна “Источники социальной власти” в 2018 г. переведено на русский язык и служит прекрасным источником сведений об исследованиях, ведущихся в зарубежной исторической социологии²⁹.

На всех вышеописанных уровнях исторической социологии изучается изменение типов власти в истории международных отношений, что выражается прежде всего в появлении и развитии государств. Сегодня невозможно представить мировую политику без государств. Однако на протяжении большей части человеческой истории государств не существовало. Ни в первобытных племенах, ни в сельскохозяйственных общинах не было политических органов власти, которые составляют сущность государства. При этом беспорядка не возникало, поскольку функционировали неформальные, прежде всего семейные, механизмы управления. Небольшие сообщества занимали лидирующие позиции в истории человечества вплоть до относительно недавнего времени, приблизительно с 3500 по 1500 гг. до н.э., когда число людей, занимающихся охотой и собирательством сократилось примерно до 1% от общей численности населения земли³⁰. С этой точки зрения формирование больших общественных систем, повышение уровня взаимозависимости, расширение сферы эмоциональной идентификации так же, как и изобретение разрушительных методов ведения войны были обусловлены аграрной революцией, которая последовала за последним ледниковым периодом. Различные исследователи подчеркивают колоссальные социальные и политические потрясения, которые были

²⁵ Арон Р. Мир и война между народами / Под ред. В.И. Даниленко. М., 2000.

²⁶ Манн М. Источники социальной власти: В 4-х т. М., 2018; Mann M. In praise of macro-sociology: reply to Goldthorpe // British Journal of Sociology. 1994. Mar. Vol. 45. N 1. P. 37–54.

²⁷ Ferguson Y.N., Mansbach R.W. Politics, authorities, identities and change. Columbia, 1996.

²⁸ Watson A. The evolution of international society. L., 1993.

²⁹ Манн М. Указ. соч.

³⁰ Волков Ю.Г. и др. Социология. М., 2000. С. 391.

обусловлены повышением роли городов вначале в Месопотамии около 3500 г. до н.э., а затем в других регионах мира³¹. Английский социолог Э. Гидденс таким образом описывает развитие человеческого общества: “Человечество существует на Земле около полу-миллиона лет. Земледелие — необходимая основа существования оседлых поселений — лишь около двенадцати тысяч лет. История цивилизаций насчитывает не более шести тысячелетий. Если мысленно представить все время существования человечества как одни сутки, то окажется, что земледелие было изобретено в 23 часа 56 минут, цивилизации появились в 23 часа 57 минут, а современные общества в 23 часа 59 минут 30 секунд”³².

Первые, так называемые традиционные государства, возникли в результате повышения эффективности труда, приведшего к появлению излишков продуктов и социальному неравенству. Происхождение первых государств неразрывно связано с возникновением городов, в которых концентрировалась политическая власть (например, находилась военная ставка или центр сбора дани). Неслучайно слово “политика” произошло от греческого слова “Πολις” — “город”. В отличие от предшествующих обществ, довольствовавшихся *status quo*, традиционные государства имели экспансионистский характер и интеграционную миссию. Они стремились распространить свои ценности так далеко, как это было возможно.

Переход от традиционных к современным государствам начался в 1648 г., когда был подписан Вестфальский мирный договор. В нем впервые было сформулировано понятие суверенитета (от фр. *souveraineté* — “верховная власть, господство”) как верховенства государства во внутренней и независимости во внешней политике. Возникла Вестфальская мировая система, основанная на принципе юридического равенства суверенных государств, которая существует до настоящего времени. Постепенно понятие суверенитета модернизировалось. В конце XVIII в. в результате буржуазных революций суверенитет перешел от монарха к нации. Все современные государства устроены по национальному признаку. Нации, по определению английского конструктивиста Б. Андерсона, — воображаемые сообщества (*Imagined Communities*). Когда буржуазия свергла власть аристократии, она столкнулась с тем, что общество, которое досталось ей в управление, ничем не объединено, поскольку прежние ценности и верования были свергнуты вместе с аристократией.

³¹ The human past: world prehistory and the evolution of human societies / Ed. by C. Scarre. L., 2005.

³² Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 372.

Для того чтобы сплотить атомизированное разобщенное общество, буржуазия изобрела миф о единстве и со всей мощью доставшегося ей в управление государственного аппарата стала внедрять его в сознание населения, используя систему образования, СМИ, права. Переписывалась история, подтасовывались факты, победы преувеличивались, поражения преуменьшались или вовсе замалчивались, прежние герои свергались со своих пьедесталов, новые, наоборот, на них возводились³³.

Взаимозависимость между формированием национальных государств и развитием капиталистического способа производства вскрывает И. Валлерстайн в своей работе «Государства в институциональном водовороте капиталистической мироэкономики»³⁴. По его мнению, возникновение современных национальных государств является следствием развития капиталистической миросистемы. Эта миросистема возникла в Европе в XVI в., сменив предыдущую феодальную миросистему, находившуюся в кризисе. Национальное государство — прямое следствие капитализма.

Государство является институтом, созданным отражать потребности акторов мироэкономики. Государство — самый подходящий институт для продвижения интересов рыночных групп. Именно государства устанавливают международные правила и вмешиваются в дела более слабых государств, если те пытаются установить более благоприятные для себя условия. Сначала государства были аморфными, затем их границы и правила становились все более четкими. Эта тенденция достигла своего максимума в Организации Объединенных Наций.

Отличительной особенностью современного государства является его существование в рамках межгосударственной системы. Межгосударственная система — это система сдержек, ограничивающих возможности государственной машины принимать решения. Хотя правовой основой современной (Вестфальской) миросистемы является принцип суверенитета, на практике государства не являются ни равными, ни суверенными. Государства политическими и военными средствами навязывают друг другу ограничения возможностей влиять на закон стоимости, лежащей в основе капитализма.

По мнению большинства ученых, международная система анархична. Однако если смотреть не на лежащую на поверхности

³³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.

³⁴ Валлерстайн И. Государства в институциональном водовороте капиталистической мироэкономики // Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 401–413.

политику, а на глубинную экономику, мировая система действует в соответствии с четкими правилами. Государства создали правовые механизмы присвоения прибавочной стоимости и институты социализации детей в классы капиталистов или пролетариев. И те и другие нуждаются в помощи государственной машины для достижения своих интересов. Международные акторы стремятся определять свои интересы в терминах статусных групп. Наиболее эффективная сегодня статусная группа — нация.

Поскольку государства существовали не всегда, логично предположить, что они не всегда будут существовать в будущем. Каким же будет мир без государств? Наиболее вероятными представляются три сценария:

1) *Мировое государство, управляемое мировым правительством.* Прообразом может служить ситуация, если усилится роль ООН в международных отношениях — например, у нее появятся собственные налогооблагаемая база и вооруженные силы.

2) *Глобальное гражданское общество.* Первые ростки гражданского общества появились одновременно с возникновением национальных государств и развивались параллельно и благодаря им. Основным элементом и национального государства, и гражданского общества являются граждане. Однако на определенном этапе развития гражданского общества нация становится помехой ему, поскольку отвлекает силы и ресурсы на межнациональную конкуренцию. Сегодня глобальное гражданское общество продвигается идеологией прав человека, пацифизма и либерализма.

3) *Многополярный мир цивилизаций.* Гражданское общество — порождение западной цивилизации. Там оно высоко развито. Однако в настоящее время более быстрыми темпами развиваются страны БРИКС. Если Запад утратит свое лидирующее положение, то сценарий гражданского общества будет снят с повестки дня. Мир окажется поделен на цивилизации — автаркичные образования с отличающимися ценностями и религиями.

Значительное внимание историческая социология уделяет изменению способов производства. К. Маркс пытался найти логику движущих сил развития человеческих обществ. И он ее нашел в развитии производительных сил и способов производства. Технический прогресс и научные открытия являются, согласно К. Марксу, базисом отношений между людьми, в том числе международных отношений. Например, изобретение парового двигателя привело к фабричному способу производства, что изменило характер труда, взаимоотношения между людьми и в конечном счете международные отношения и мировую политику.

Важным направлением исторической социологии является исследование эволюции морали в развитии международных отношений. Международная мораль — система норм, санкций, образцов поведения, выполняющих функцию социального контроля и регулирования международных отношений. Моральные нормы — это нравственные императивы, требования определенного поведения, основанные на принятых в международном сообществе представлениях о добре и зле, о должном и непозволительном. В развитии международных отношений мораль претерпела значительную эволюцию. Как и международное право, мораль берет свое начало из религиозного источника и является продуктом постепенной рационализации религиозных ценностей. Становление международной морали происходило одновременно с формированием государства. Многие правила поведения в межгосударственных отношениях заимствовались из личной морали. Международная мораль включает компоненты профессиональной морали: дипломатической, парламентской, политической и военной.

Н. Макиавелли настаивал на том, что государственный деятель, призванный защищать интересы государства, не может выполнить свою задачу, не прибегая ко лжи и обману, насилию и злу³⁵. Т. Гоббс рассматривал взаимодействие государств как сферу непримиримых конфликтов, в том числе и моральных. Он считал, что человек — существо эгоистичное, агрессивное, жадное, трусливое. Поэтому естественное состояние человеческого общества — это война всех против всех и каждого против каждого. Для того чтобы спасти себя в этой кровавой братоубийственной войне, люди пришли к осознанию необходимости заключения между собой общественного договора, согласно которому они добровольно передают часть своих прав и полномочий высшей инстанции — государству. Оно обеспечивает безопасность, но может выйти из-под контроля своих создателей, и тогда появляется в образе страшного морского чудовища — Левиафана, пожирающего своих подданных³⁶.

М. Вебер утверждал, что дилемма социальной морали заключается в том, что «всякое этически ориентированное действие может подчиняться двум фундаментально различным максимам: оно может быть ориентировано либо на “этику убеждения”, либо на “этику ответственности”»³⁷. Большинство людей в своей повседневной жизни руководствуются этикой убеждения — поступают в

³⁵ *Макиавелли Н.* Государь. М., 2018.

³⁶ *Гоббс Т.* Левиафан. М., 2017.

³⁷ *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 644–706.

соответствии со своими нравственными установками. Однако политические лидеры в мировой политике должны следовать этике ответственности, поскольку отвечают перед выбравшим их народом для того, чтобы представлять и защищать его интересы. Политик, забывающий об интересах доверяющих ему людей, и поддающийся разговорам об абстрактных идеалах и общечеловеческих ценностях, не достоин называться политиком. Анализируя проблему соотношения морали и политики, М. Вебер обращает особое внимание на необходимость постоянно помнить о различиях между целью и средствами, лежащих в этической сфере. С этим соглашаются политические реалисты. Так, Р. Арон писал: «Ни одна этика в мире не обходит тот факт, что достижение “хороших” целей во множестве случаев связано с необходимостью смириться с использованием как нравственно сомнительных средств, так и с возможностью скверных побочных действий. Ни одна этика в мире не может сказать, когда и в каком объеме этически положительная цель “освящает” этически опасные средства и побочные следствия»³⁸. Представители политического реализма придерживались взглядов М. Вебера при изучении морали, согласно которым свойственная политической морали необходимость прибегать к плохим средствам находит логическое завершение в сфере международных отношений. Считая, что высшей ценностью государственных деятелей является сила соответствующего государства, М. Вебер не только устраняет из этой сферы моральный выбор по поводу целей государственной внешней политики, но и фактически переносит этот выбор в область средств, где он ограничен, поскольку решающим средством политики выступает насилие. М. Вебер писал: “Идеи подобны стрелочнику, определяющему динамику интересов, которые будут детерминировать действия”³⁹.

Не менее важны аргументы М. Вебера о взаимосвязи между мировыми религиями и так называемой двойственностью внутренней и внешней морали, которая имеет центральное значение для понимания международных отношений. М. Вебер утверждал, что принцип “Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе” применяется только внутри своих сообществ. Однако по отношению к другим обществам этот принцип не только может, но и должен нарушаться. Право отойти от этой этики всегда реализовывалось во взаимоотношениях с другими сообществами. Именно на этом основан принцип суверенитета. Хотя такие мировые религии, как

³⁸ Арон Р. Мир и война между народами. М., 2000. С. 33.

³⁹ Вебер М. Избранные произведения. С. 625.

христианство и ислам, и призывали к всеобщему братству, утверждая, что этот принцип должен применяться ко всем людям, включая врагов, на практике этот принцип часто нарушался. Эти аспекты социологии религии М. Вебера важны для понимания сегодняшней напряженной ситуации между секуляризацией и религиозным возрождением во многих странах мира⁴⁰.

В своей ранней работе по реабилитации исторического материализма Ю. Хабермас рассматривает структуру и эволюцию нравственных принципов от клановых групп, первых государств и империй до современных глобальных социальных систем. Центральным в исследовании Ю. Хабермаса является вопрос разработанности нравственных обязательств общества перед всеми, кто пострадал от его действий, включая граждан других стран⁴¹.

К. Холсти⁴² различает три уровня, на которых поведение международного актора зависит от моральных норм: 1) уровень целей, провозглашаемых правительством (мир, справедливость), 2) уровень методов действия (одни государства допускают применение военных средств для достижения своих целей, а другие — нет), 3) ситуационный уровень — все решения, принимаемые “здесь и теперь”. П.А. Цыганков отмечает, что именно последний уровень “важнее всего в этическом плане, так как именно здесь проявляется способ достижения государством своих целей, и этика кажется наиболее применимой к международной политике”⁴³. Однако по нашему мнению, этические нормы влияют на международные отношения независимо от уровня.

Нравственные нормы на подсознательном уровне воплощаются в эмоциональной жизни человека, порождая чувства стыда, вины, негодования и сострадания. Потрясения в международной системе могут порождать у людей множество эмоций: страха, паники, ощущения собственного превосходства и исключительности. Еще в 1920-е гг. французский историк Л. Февр исследовал, как страх и жалость, жестокость и сострадание менялись в разные исторические эпохи⁴⁴. Это направление получило название “историческая психология”. В настоящее время эмоции, испытываемые

⁴⁰ Turner B. Historical sociology of religion: politics and modernity // Handbook of Historical Sociology / Ed. by G. Delanty, I. Isin. L., 2003. P. 349–363.

⁴¹ Habermas J. Communication and the evolution of society. Boston, 1979. P. 140.

⁴² Holsti K.J. International politics: a framework for analysis. Englewood Cliffs; Prentice-Hall, 1983.

⁴³ Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений. М., 1994.

⁴⁴ Февр Л. История и психология // Бои за историю. М., 1991. С. 97–125.

участниками международных отношений, изучает специальная отрасль исторической социологии, называемая “эмоциологией”⁴⁵. Так, Г. Рэймонд изучал влияние чувств вины, стыда и сострадания на поведение государств в рамках международного сообщества⁴⁶. Н. Крауфорд исследовал, как изменение оценки людей относительно применения силы в международных отношениях способствовало прекращению трансатлантической работорговли и колониализма, а также содействовало международной защите прав меньшинств и коренных народов⁴⁷.

Помимо этого, возросшему значению морали и нравственности человечество обязано делегитимизацией колониализма и рабства — двух явлений, которые были широко распространены в практике международных отношений. Представитель исторической социологии Дж. Хобсон показывает, что все теории международных отношений до 1945 г. строились на расистском отождествлении европейской истории с историей всего человечества. Согласно его исследованиям, после 1945 г. неприкрытый расизм внешне изменился и сегодня он скрывается за терминами “помощь третьему миру”, “модернизация”, “развитие”, “структурная подстройка”, “глобализация”, “демократизация”⁴⁸. Поэтому принцип суверенитета в настоящее время применяется избирательно. В полной мере он действует лишь по отношению к развитым западным государствам, у остальных участников международных отношений он частичный. И если в колониальную эпоху право на захват чужих территорий оправдывалось “дикостью” и “варварством” проживающего там населения, то сегодня “гуманитарное”, и даже военное вторжение на территорию суверенных Югославии, Ирака, Афганистана, Ливии и Сирии Запад связывает с необходимостью защиты там прав человека. Однако историческая социология призвана отличать истинные причины от поводов.

Анализ постколониализма подчеркивал пагубные последствия прогрессистских установок в отношениях между “передовыми” и “отсталыми” обществами. Представления о рациональности запад-

⁴⁵ *Bleiker R., Hutchison E.* Fear no more: emotions and world politics // *Review of International Studies*. 2008. Jan. Vol. 34. Special Iss. S1 (Cultures and Politics of Global Communication). P. 115–135.

⁴⁶ *Raymond G.A.* Problems and prospects in the study of international norms // *Mershon International Studies Review*. 1997. Vol. 41. P. 205–245.

⁴⁷ *Crawford N.C.* *Argument and change in world politics: ethics, decolonization, and humanitarian intervention*. Cambridge, 2002.

⁴⁸ *Hobson J.M.* *The Eurocentric conception of world politics: western international theory, 1760–2010*. Cambridge, 2011.

ных и иррациональности незападных обществ были неотъемлемой частью расистской идеологии колониальных завоеваний.

Социологическая концепция Н. Элиаса, которую он называет процессной социологией, позволяет объединить влияние на международные отношения материальной силы и производства, с одной стороны, а также нравственности, культуры, национальных особенностей, морали и эмоций, с другой стороны⁴⁹. Н. Элиас прослеживает события европейской истории с XV по XX в. Начиная с эпохи Модерна европейцы считали, что они опережают в развитии своих средневековых предшественников, а позже — все неевропейские народы. Н. Элиаса интересовали долгосрочные процессы, которые привели к таким представлениям. Средневековая Европа представлялась Н. Элиасом зоной конфликта из-за отсутствия монополии силы. Феодалные войны привели к территориальной концентрации власти и введению принципа суверенитета в 1648 г. Процессы монополизации власти привели к внутригосударственному умиротворению, строительству городов и развитию торговли. В результате все больше и больше людей стало вовлекаться в сложное социальное разделение труда. Безопасность людей стала меньше зависеть от внешнего принуждения, что привело к повышению уровня их самоконтроля. Ограничение на насилие стало частью базовой структуры личности вначале элиты, а затем и всех остальных социальных страт⁵⁰.

Изменения в эмоциональной жизни были центральными в цивилизационном процессе как в появлении постоянных монополий власти (суверенных государств), так и в удлинении цепочек взаимодействия. Механизмы принуждения не утратили своей прежней значимости, но стали завуалированы, поскольку те, кто контролирует инструменты насилия, отошли на второй план. В условиях длительного мира различные социальные группы пришли к убеждению, что жестокость и насилие несовместимы с цивилизацией. В итоге во многих обществах были ликвидированы публичные телесные наказания и приведение в исполнение приговоров о смертной казни, а затем и сама смертная казнь. Жестокость по отношению к животным и детям была объявлена вне закона. Сравнительно со Средневековьем, когда элита не беспокоилась о

⁴⁹ Элиас Н. О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.; СПб., 2001.

⁵⁰ Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии, с введением: Социология и история. М., 2002. С. 146.

потерях среди своих подданных и эксплуатации собственного народа, современные общества свидетельствуют о расширении сферы эмоциональной идентификации между социальными группами внутри национальных обществ и даже за их пределами, пока еще в несущественной, но уже заметной степени⁵¹.

Н. Элиас выделялся среди социологов своего поколения интеграцией внутренней и международной политики в рамках одной теоретической системы. Красной нитью в трудах Н. Элиаса проходит мысль о том, что человеческие общества постоянно идентифицируются с теми единицами (группами, объединенными родственными связями, городами-государствами, современными национальными государствами), которые предлагают механизмы защиты от внутренних и внешних угроз. Обращаясь к позиции М. Вебера относительно нравственных качеств, он утверждал, что большинство сообществ обладает двойным стандартом морали, запрещая убийства представителей своей группы, но в то же время разрешая, а иногда и активно поощряя насилие в отношении внешних сообществ. Со временем количество международных акторов, обладающих реальным суверенитетом, стало уменьшаться, а их мощь — расти. В перспективе эта тенденция глобализации ведет к образованию мирового государства⁵².

Последний тезис рассматривается Н. Элиасом в качестве центрального для объяснения развития современных европейских обществ при изучении истории человечества в целом. Однако история человечества богаче, чем просто развитие суверенных государств, эволюция в применении насилия и изменения в структуре экономической жизни. Долгосрочные тренды привели к более высокому уровню взаимозависимости не только внутри общества, но и между обществами. Уничтожение противников и территориальное расширение власти, развитие экономических и социальных связей, а также усиление международных институтов свидетельствовали о долгосрочной тенденции к глобализации человеческого общества в целом⁵³. Увеличивающаяся взаимозависимость внутри социальных систем, функционирующих в условиях мира, приводит к необходимости создания национальных институтов, которые разработают направления дальнейшего развития⁵⁴. Увеличилась эмоциональная

⁵¹ Элиас Н. Придворное общество... С. 182.

⁵² Там же. С. 45.

⁵³ Mennell S. The globalization of human society as a very long-term social process. *Elias's Theory' // Theory, Culture and Society*. 1990. Vol. 7. N 2–3. P. 359–371.

⁵⁴ Mennell S. *The American civilizing process*. Cambridge, 2007.

идентификация между членами общества, особенно в демократических странах, где элиты существенно зависят от масс. Центральным вопросом социологии Н. Элиаса остается вероятность подобного развития событий при отсутствии единой монополии на власть⁵⁵.

Н. Элиас утверждал, что масштабные интеграционные процессы заставили общества объединиться в глобальные сети взаимозависимости, требующие сдержанности (особенно в отношении оружия массового поражения) и готовности к сотрудничеству по самому широкому кругу вопросов. Чувство моральной ответственности за причиненный другим участникам международных отношений ущерб выросло, но до сих пор нет никаких гарантий того, что в будущем человечество станет более космополитичным. Суверенные государства недовольны наступлением на свои национальные ценности и опасаются утраты влияния и власти в результате глобализации. В разных странах наблюдаются вспышки националистических и ксенофобских настроений в отношении глобализации. Борьба за власть и безопасность не окончена, так же как нет оснований для цивилизационных ограничений на применение силы, поскольку общества опасаются за свою безопасность и выживание в целом. Эти замечания относительно долговременных процессов в человеческой истории не внушают оптимизма относительно глобализационных процессов⁵⁶. Однако Н. Элиас добавляет, что достигнутый уровень взаимозависимости является лишь “предысторией человечества”. Для окончательной интеграции могут потребоваться многие тысячи и даже миллионы лет, если, конечно, до этого человечество не истребит себя⁵⁷.

Н. Элиас анализирует долгосрочные процессы как в общемировом масштабе, так и в контексте европейского Модерна, который повлиял на развитие человечества в целом. В процессной социологии отсутствует вера в неотвратимость социального и политического прогресса. Н. Элиас говорит о том, что утверждения о прогрессе являются непродуманными и основанными на так называемых “ненадежных доказательствах”, а также ложных представлениях о превосходстве Запада.

Взгляды Н. Элиаса нашли развитие в работах современных авторов Б. Бузана и Р. Литтла⁵⁸, Й. Фергюсона и Р. Мансбаха⁵⁹, К. ван

⁵⁵ Элиас Н. О процессе цивилизации... Т. 1.

⁵⁶ Элиас Н. О процессе цивилизации...

⁵⁷ Там же. С. 146.

⁵⁸ Buzan B., Little R. International systems in world history: remaking the study of international relations. Oxford. 2000.

⁵⁹ Ferguson Y.H., Mansbach R.W. Op. cit.

дер Пийля⁶⁰ и А. Уотсона⁶¹, С. Манна, Дж. Макнейла, которые исследуют развитие взаимосвязей между людьми за последние несколько тысячелетий⁶².

Итак, выше мы рассмотрели основные направления исторической социологии. Первое направление заключается в исследовании влияния на развитие международных отношений таких факторов, как типы власти и способы производства. Второе направление состоит в изучении эволюции представлений о легитимности, этике, морали и нравственности. Наконец, третье направление представляет собой попытку объединения двух первых направлений, т.е. материальных и нематериальных факторов развития международных отношений в рамках единой исследовательской парадигмы.

Подводя итоги вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. Историческая социология позволяет понять, каким образом современные суверенные национальные государства заняли лидирующие позиции в мировой политике. Она изучает причины появления государств и их эволюцию. Историческая социология показывает, как в результате колониализма эта форма политического объединения распространилась по всему миру. Она позволяет получить представление о различиях между современной Вестфальской системой суверенных государств и прежними формами мировой политической организации. Историческая социология вскрывает взаимозависимость между формированием национальных государств и развитием капиталистического способа производства. Она дает возможность проанализировать влияние на международные отношения меняющихся представлений о нравственности и легитимности во внутренней и внешней политике. Благодаря своим возможностям историческая социология может шире применяться в исследовании международных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2011.
Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М. 2001.
Арон Р. Мир и война между народами. М., 2000.
Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм (XV–XVIII вв.). Т. 1. М., 2006.

⁶⁰ Pijl K., van. Der nomads, empires, states // Models of Foreign Relations and Political Economy. 2007. Vol. 1.

⁶¹ Watson A. The evolution of international society. L., 1993.

⁶² Manning P. Navigating world history: historians create global past. N.Y., 2003.

- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
- Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
- Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4-х т. Т. 1. М., 2018.
- Гидденс Э.* Социология. М., 2005.
- Гоббс Т.* Левиафан. М., 2017.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М., 1996.
- Макиавелли Н.* Государь. М., 2018.
- Манн М.* Источники социальной власти: В 4-х т. М., 2018.
- Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии: В 3-х т. Т. 1. М., 1978.
- Сен Симон А.* Очерк науки о человеке // Сен Симон А. Избранные сочинения. М.; Л., 1948. С. 146–208.
- Теннис Ф.* Общность и общество // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 207–229.
- Тодд Э.* После империи. Pax Americana — начало конца. М., 2004.
- Февр Л.* История и психология // Бои за историю. М., 1991. С. 97–125.
- Цыганков П.А.* Политическая социология международных отношений. М., 1994.
- Элиас Н.* О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.; СПб., 2001.
- Элиас Н.* Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии, с введением: социология и история. М., 2002.

REFERENCES

- Adorno T.* Negativnaya dialektika [Negative dialectic]. М., 2011 (in Russian).
- Anderson B.* Voobrazhayemyye soobshchestva [Imaginary communities]. М., 2001 (in Russian).
- Aron R.* Mir i voyna mezhdu narodami [Peace and war between nations]. М., 2000 (in Russian).
- Bleiker R., Hutchison E.* Fear no more: emotions and world politics // Review of International Studies. 2008. Jan. Vol. 34. Special Iss. S1 (Cultures and Politics of Global Communication). P. 115–135.
- Brodel F.* Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm (XV–XVIII vv.) [Material civilization, economy and capitalism (XV — XVIII centuries)]. Т. 1. М., 2006 (in Russian).
- Buzan B., Little R.* International systems in world history: remaking the study of international relations. Oxford. 2000.
- Crawford N.C.* Argument and change in world politics: ethics, decolonization, and humanitarian intervention. Cambridge, 2002.
- Diamond J.* Guns, gems and steel: a short history of everybody for the last thirteen thousand years. L., 1997.

- Dyurkgeym E.* O razdelenii obshchestvennogo truda [On the division of social labor]. M., 1996 (in Russian).
- Eisenstadt S.N.* The political systems of empires. L., 1963.
- Elias N.* The retreat of sociologists into the present // The Norbert Elias Reader / Ed. by J. Goudsblom, S. Mennell. Oxford, 1998.
- Elias N.* O protsesse tsivilizatsii: sotsiogeneticheskiye i psikhogeneticheskiye issledovaniya [On the process of civilization: sociogenetic and psychogenetic research]. T. 1. Izmeneniya v povedenii vysshego sloya miryan v stranakh Zapada. M.; SPb., 2001 (in Russian).
- Elias N.* Pridvornoye obshchestvo: issledovaniya po sotsiologii korolya i pridvornoy aristokratii [The court society: research on the sociology of the king and the court aristocracy], s Vvedeniyem: Sotsiologiya i istoriya. M., 2002 (in Russian).
- Ferguson Y.N., Mansbach R.W.* Politics, authorities, identities and change. Columbia, 1996.
- Fevr L.* Istoriya i psikhologiya [History and Psychology] // Boi za istoriyu. M., 1991. S. 97–125 (in Russian).
- Giddens E.* Sotsiologiya [Sociology]. M., 2005 (in Russian).
- Gobbs T.* Leviatan [Leviathan]. M., 2017 (in Russian).
- Habermas J.* Communication and the evolution of society. Boston, 1979.
- Hobden S.* International relations and historical sociology: breaking down boundaries. L.; N.Y., 1998.
- Hobden S., Hobson J.* Historical sociology of international relations. Cambridge, 2001.
- Hobson J.M.* The Eurocentric conception of world politics: western international theory, 1760–2010. Cambridge, 2011.
- Holsti K.J.* International politics: a framework for analysis. Englewood Cliffs; Prentice-Hall, 1983.
- Kelly D.* Karl Marx and historical sociology // Handbook of Historical Sociology / Ed. by G. Delanty, E. Isin. L., 2003. P. 11–26.
- Makiavelli N.* Gosudar' [Sovereign]. M., 2018 (in Russian).
- Mann M.* In praise of macro-sociology: reply to Goldthorpe // British Journal of Sociology. 1994. Mar. Vol. 45. N 1. P. 37–54.
- Mann M.* Istochniki sotsial'noy vlasti [Sources of social power]: V 4-h t. M., 2018 (in Russian).
- Manning P.* Navigating world history: historians create global past. N.Y., 2003.
- Marks K.* Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii [Criticism of political economy]. T.1. M., 1978 (in Russian).
- Mennell S.* The globalization of human society as a very long-term social process. Elias's Theory' // Theory, Culture and Society. 1990. Vol. 7. N 2–3. P. 359–371.
- Mennell S.* The American civilizing process. Cambridge, 2007.
- Nisbet R.* The sociological tradition. N.Y., 1966.
- Pijl K., van.* Der Nomads, Empires, States // Models of Foreign Relations and Political Economy. Vol. 1. L., 2007.
- Raymond G.A.* Problems and prospects in the study of international norms // Mershon International Studies Review. Vol. 41. 1997. P. 205–245.

Sen Simon A. Ocherk nauki o cheloveke [Essay on the science of man] // Izbrannyye sochineniya. M.; L., 1948. S. 146–208 (in Russian).

Tennis F. Obshchnost' i obshchestvo [Community and society] // Sotsiologicheskii zhurnal. 1998. N 3/4. S. 207–229 (in Russian).

Teschke B. Geopolitical relations in the European Middle ages // International Organization. 1998. Spring. Vol. 52. N 2. 1998. P. 325–358.

The human past: world prehistory and the evolution of human societies / Ed. by C. Scarre. L., 2005.

Tilly C. Coercion, capital and European States: AD 1990–1992. Oxford, 1992.

Todd E. Posle imperii. Pax Americana — nachalo kontsa [After the empire. Pax Americana — the beginning of the end]. M., 2004 (in Russian).

Tsygankov P.A. Politicheskaya sotsiologiya mezhdunarodnykh otnosheniy [Political Sociology of International Relations]. M., 1994 (in Russian).

Turner B. Historical sociology of religion: politics and Modernity // Handbook of Historical Sociology / Ed. by G. Delanty, E. Isin. L., 2003. P. 349–363.

Vallerstayn I. Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire [Analysis of world systems and the situation in the modern world]. SPb., 2001 (in Russian).

Veber M. Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works]. M., 1990 (in Russian).

Veber M. Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii [Economy and society: essays understanding sociology]: V 4-h t. T. 1. M., 2018 (in Russian).

Watson A. The evolution of international society. L., 1993.